

Спадением коммунизма Русская православная церковь обрела права, отобранные у нее советской властью, и статус РПЦ стал быстро повышаться. Постепенно государство и Церковь заняли по отношению друг к другу привычные для России позиции: Церковь проявляет безусловную готовность поддержать государственную власть в любых ее начинаниях, а государство с

помощью РПЦ укрепляет свой авторитет и вознаграждает Церковь за лояльность — освобождает от конкурентов, наделяет собственностью и иными благами и привилегиями, допускает в сферу школьного образования.

Вплоть до недавнего времени власти, по крайней мере на уровне риторики, утверждали, что Россия — европейская страна, и не отрекались от европейских ценностей. Между тем церковные воззрения носили отчетливо антимодернизационный характер, так что государство предпочитало несколько дистанцироваться от РПЦ. Высшие официальные лица посещали пасхальные богослужения и регулярно, под камеру, встречались с патриархом, но представления Церкви об общественной жизни или о Западе, закреплённые в церковных документах или звучавшие в высказываниях церковных представителей и иерархов, оставались ее внутренним делом. Для того чтобы использовать РПЦ в качестве символической опоры российской государственности, хватало некоего общего, распространенного в обществе ощущения, что к Церкви положено относиться с пиететом.

Цепь событий, связанных с возвращением Путина в Кремль, изменила государственную риторику и политику. Массовые политические протесты потребовали срочных мер легитимизации путинского режима, и одной из таких мер стал сдвиг в сторону социального консерватизма. Поворотным пунктом здесь оказались солидарные действия в ответ на «панк-молебен» группы

«Пусси Райот». Церковь получила мощную поддержку государства в преследовании «кошунниц»: защитой интересов РПЦ занялась машина государственного правосудия, и обидчицам Церкви был вынесен суровый приговор.

На протяжении последнего года консерватизм, изоляционизм и ксенофобия стали неотъемлемой частью государственного дискурса, в котором все больше сходства с риторикой РПЦ. Государство делает важные шаги навстречу Церкви. В 2013 году принят законодательный запрет на «оскорбление чувств верующих»; монахи и клирики РПЦ пользуются привилегиями в форме «номенклатурного иммунитета» (один из красноречивых примеров последнего времени — иеромонах Илия, отделавшийся исключительно легким наказанием за смерть двух человек, которых он сбил, находясь за рулем «Мерседеса»). Тех же, кто пытается привлечь внимание к незаслуженным привилегиям высших иерархов (как и высших лиц государства), ждет непомерно жестокое наказание (так, в августе 2013 года правозащитники из Геленджика, занимавшиеся расследованием строительства «дач Путина и патриарха», получили от 8 до 13 лет строгого режима).

Несмотря на политическую — а теперь и идеологическую — близость РПЦ к государству и несмотря на то, что патриарх Кирилл, не смущаясь, публично поет осанну президенту Путину, власти следят за тем, чтобы институциональная роль Церкви как идеологической инстанции не расширялась, а патриарх не превратился во влиятельную общественную фигуру. В отличие от Идеологического отдела ЦК КПСС, который был главной идеологической инстанцией советского времени, Церковь представляет собой самостоятельную институцию, внешнюю по отношению к руководству страны. Нынешняя российская власть опасается любых автономных сил, и Церковь, при всей ее лояльности, — не исключение. Государство может опираться на Церковь, надежно защищать ее от дерзких критиков, заимствовать ее консервативную и антизападническую риторику, но авторитет государственной власти

не должен строиться на основах «аутсорсинга». Можно предположить, что Кремлю не доставило удовольствия зрелище массового «молитвенного стояния» в апреле 2012 года, которое продемонстрировало, что РПЦ способна самостоятельно собрать на улице десятки тысяч людей: сборище настолько напоминало политические демонстрации, что патриарх, обращаясь к толпе, специально оговорился, мол, у нас тут не митинг. Так или иначе, столь массовые «стояния» больше не повторялись, а на протяжении 2012 года репутация патриарха оказалась несколько подпорчена «квартирным вопросом», а также историей с дорогими часами главы РПЦ и неловкой попыткой убрать их из кадра с помощью компьютерных ухищрений. Хотя высокий символический статус РПЦ остается неизменным, в социологических опросах патриарх оказывается лишь на шестом или седьмом месте по уровню доверия.

На круг функция государственной опоры для РПЦ важнее функции окормления верующих, но, разумеется, Церковь служит также и обществу: занимается благотворительностью, помогает бедным и заключенным, организует паломнические поездки, — но эти функции вынужденно ограничиваются относительно малым числом прихожан, которые не слишком щедры в пожертвованиях и не особенно активны в приходской жизни. Да и священники, не получающие фиксированного жалования, вынуждены отрывая время от работы с паствой, чтобы заботиться о заработке, часть которого они отчисляют «наверх», местному епископу. Церковная иерархия РПЦ ставит священника в полную зависимость от его начальства, и излишняя самостоятельность суждений или нежелательные, с точки зрения вышестоящих, инициативы могут закончиться переводом в удаленный и бедный приход, а то и вовсе выведением за штат.

В этом номере мы рассматриваем взаимоотношения православной церкви, государства и общества в России (статья **Светланы Солодовник**) и сравниваем их с тем, как обстоит дело в этой сфере в других странах восточного христианства.

Виктор Еленский описывает сложную ситуацию, в которой находится церковь в Украине, где важнейшей проблемой остаются противоречия между разными православными церквями. В материале **Виталие Спрынчанэ** речь идет о Молдове, где власть принадлежит проевропейским силам, «государство отказывается помогать Молдавской митрополии» и она «вынуждена сотрудничать с другими религиозными общинами». **Оганнес Оганнисян** размышляет о роли Армянской равноапостольной церкви в современных условиях, когда «традиционные средства и методы... оказываются недостаточными для обучения религиозным идеям и соответствующему образу жизни». **Алексей Богдановский** рассматривает ситуацию в Греции, где церковь даже формально не отделена от государства. О православной церкви в Сербии рассуждает **Мария Фалина**. По ее мнению, в первое десятилетие нового века «сербская церковь значительно усилила свои позиции в обществе, во многом в результате благоприятствующей государственной политики». В продолжение темы взаимоотношений церкви, государства и общества в следующем номере *Pro et Contra* будут опубликованы статьи о Белоруссии, Грузии, Болгарии и Румынии.

За пределами главной темы мы публикуем работу **Кирилла Рогова** о феномене «сверхпрезидентства» в политическом режиме путинской России. По его утверждению, «высокий уровень поддержки, позволявший режиму сохранять устойчивость при относительно низком уровне насилия в 2000 годы, утрачен, а условия консолидации оппозиции стали гораздо более благоприятными».

Мария Липман, главный редактор